

Россия и Китай: как наводились мосты

Тема «Россия и Запад» всегда превалировала в русской общественной мысли над сюжетами взаимоотношений с Востоком. Страны дальней Азии, не исключая Китая, имеющего с нами колоссальную по протяженности общую границу, находились где-то на отдаленной периферии внимания – несмотря на, казалось бы, значительный интерес к экзотическим культурам и немалое количество публикаций, первые из которых появились еще в XVIII веке. Но эти страны, в том числе и Китай, традиционно воспринимались лишь чем-то вроде диковинной шкатулки, наполненной тайнами и чудесами.

Когда заходила речь о Китае, Японии или Индии, то, как правило, с оговорками, что они представляют собой совершенно другой мир, своего рода «вещь в себе», недоступную для понимания европейца и обретающуюся в стороне от столбовой дороги развития цивилизации. В этом смысле отечественные ученые транслировали западную точку зрения, выраженную, в частности, Гегелем, утверждавшим, что «Китай и Индия находятся еще, так сказать, за пределами всемирной истории, как предпосылка тех моментов, лишь благодаря соединению которых начинается животворный исторический процесс» [5, с. 157]. Даже признаваемый европейцами приоритет Китая в важнейших изобретениях не являлся, по их мнению, аргументом в пользу цивилизованности и высокоразвитости этой страны. «Китай задолго до нас знал книгопечатание, артиллерию, воздухоплавание, хлороформ, – писал Виктор Гюго. – Но в то время как в Европе открытие сразу оживает, развивается и творит настоящие чудеса, в Китае оно остается в зачаточном состоянии и сохраняется в мертвом виде. Китай – это банка с заспиртованным в ней зародышем» [6, с. 37].

Сходным образом рассуждал и русский мыслитель, убежденный западник Петр Чаадаев. По его словам, Индия и Китай «предназначены для великого поучения, которым мы должны воспользоваться. ...Мы можем там наблюдать, во что бы обратился род людской без нового импульса, данного ему всемогущей рукой. И заметьте, что Китай, по-видимому, с незапамятных времен обладал тремя великими орудиями, которые, как говорят, наиболее ускорили среди нас движение вперед человеческого ума: компасом, печатным станком и порохом. И что же? На что они ему послужили? Объехали ли китайцы кругом Земного шара? Открыли ли они новое полушарие? Есть ли у них литература, более обширная, чем та, которой мы обладали ранее изобретения книгопечатания? В злосчастном искусстве войны были ли у них Фридрихи и Бонапарты, как у нас?» [21, с. 403–404].

Матвейчев Олег Анатольевич, кандидат философских наук, профессор кафедры практической философии факультета философии НИУ «Высшая школа экономики».
E-mail: matveyol@yandex.ru

Слабая информированность о восточных цивилизациях и культурно-политическая предвзятость породили миф об отсталости Востока и односторонности цивилизаторских процессов. Между тем, взаимовлияние и взаимообогащение восточной и западной культур – процесс, пусть и дискретный, но имеющий очень долгую историю. И, судя по всему, гораздо более долгую, чем было принято считать до недавнего времени.

Около десяти лет назад в науках, изучающих древнейшую историю человечества, произошел качественный скачок. К традиционно медленным и колоссально трудозатратным наукам – антропологии, археологии и палеолингвистике – прибавилась ДНК-генеалогия [10, с. 14]. Данные о редких, раз в несколько тысяч лет, мутациях в Y-хромосомах позволяют реконструировать «одиссею человечества» с момента возникновения общего предка до наших дней. Распространенность определенного типа мутаций получила название гаплогруппы. Определенные гаплогруппы можно ассоциировать с народами, известными в истории.

По картине мутаций в ДНК новая наука позволяет воссоздавать миграции человеческих популяций, происходившие в далеком прошлом – до десятков тысяч лет назад, – и рассчитывать время этих миграций с точностью до сотен лет. С помощью методов ДНК-генеалогии было, в частности, установлено, что группа носителей индоевропейской гаплогруппы R1a1 примерно 3600 лет назад перешла с Южного Урала в Индию. В настоящее время примерно 16% всего мужского населения Индии (или 100 млн человек) относятся к гаплогруппе R1a1 [10, с. 525], причем в высших кастах этот показатель достигает 72% [23]! Таким образом подтверждается гипотеза о том, что именно индоевропейские народы, придя в Индию, основали там кастовую систему и заняли высшие касты.

Вместе с языком переселенцы дали местным народам индоевропейскую религию и космогонию (структурное и содержательное сходство индийских Вед с другими индоевропейскими источниками, от Авесты до греческих теогоний и «Голубиной книги» /сборника восточно-славянских духовных стихов XV–XVI веков, уходящих корнями в далекую эпоху индоевропейской общности/, отмечали многие исследователи, в том числе Антуан Мейе, Жорж Дюмезиль, Владимир Топоров, Александр Зайцев, Томас Гамкрелидзе, Вячеслав Иванов, Михаил Серяков и др.). Аналогичное вторжение индоевропейцев в течение III–II тыс. до н.э. было в Иран, Грецию и на другие территории.

На основе индоевропейской ведической религии и брахманизма сформировался индуизм, одна из наиболее крупных по числу последователей религий мира, а также буддизм, ныне – одна из ведущих мировых религий. Буддизм распространился в Китае, а затем – в чаньской версии – был привнесен в Японию, став частью ее национальной религии – синто, которая сформировала национальный характер японцев, принципы японской эстетики и основы духовной организации всего японского общества (именно синто называют источником так называемого японского экономического чуда). Таким образом, индоевропейское влияние затронуло не только Индию, но и страны Дальнего Востока.

Дальше других в Центральную Азию продвинулся один из самых загадочных индоевропейских народов – тохары. Остатки их цивилизации и памятники письменности были найдены в Китае, на территории современного Синьцзяна. Их изучение показало, что всего лишь тысячу лет назад здесь существовал архаичный язык, сохранивший реликтовые формы индоевропейской основы и более близкий к языкам западных, а не восточных индоевропейцев, в окружении которых они находились. Было также выяснено, что тохарская культура оказала влияние на китайскую. Факты первых контактов тохарского и древнекитайского языков относятся еще к III веку до н.э., причем заимствование слов происходило как из тохарского в китайский, так и наоборот [16, с. 19].

Таким образом, общение между Западом и Востоком, взаимообогащение культур и взаимовлияние на идентичность народов было куда более древним, чем свидетельствует историческая память. Но и позднейшие культурные взаимовлияния, несмотря на устоявшийся миф о «самоизоляции» восточных стран, были вполне плодотворными.

Первые сведения об Индии приводятся еще у Геродота, правда, о ее народе галикарнасец знал лишь из слухов. По-настоящему открыли Индию для греков походы Александра Великого. Китай же оставался для европейцев *terra incognita* еще несколько веков. Понятие «сина» как название народа, живущего по ту сторону Эрифрейского моря, то есть Индийского океана, впервые фиксируется у Птолемея – слово это употреблялось индийцами, начавшими морские сношения с Китаем еще во времена династии Цинь (255–206 годы до н.э.), отсюда и наименование страны¹.

Морские путешествия в Китай из Римской империи продолжались до III века; затем господство над путями мировой торговли на суше и на море перешло к персам, и европейцы забыли о стране «синов» до XII века, пока с Востока не пришли первые новости о среднеазиатских завоеваниях «пресвитера Иоанна» – потомка волхвов, царствующего по-за краями армян и персов. Отправленные в Монголию европейские послы и миссионеры выяснили, что к легендарному царю-несторианину эти завоевания не имели никакого отношения. Тем более что истинные завоеватели к тому времени уже успели дойти до Адриатического моря и повернули вспять в 1242 году лишь вследствие получения известия о смерти великого хана Угэдэя.

Дальнейшие миссии к монгольскому престолу были немногочисленны и целей своих (обращение варваров в христианство, склонение их к союзу против мусульман) не достигли. После изгнания монголов в 1368 году и с утверждением династии Мин подобные контакты прекратились.

Настоящее открытие Китая, а затем и Японии и Кореи, произошло уже в XVI веке – в результате португальских военно-коммерческих экспедиций², а затем – деятельности иезуитов, принятых при императорском дворе и даже вошедших в Математический трибунал, где они щедро делились с китайцами передовыми астрономическими знаниями. Иезуиты просвещали китайцев и в области военного дела, географии, гидравлики, переводили на китайский произведения европейских ученых и философов, в том числе Евклида и Аристотеля. Одновременно на европейские языки были переведены работы Кун Фу-цзы (Конфуция, как транскрибировал его имя Маттео Риччи), что произвело настоящий интеллектуальный переворот на Западе. В докладах Риччи, отсылаемых в Европу, Китай рисовался страной, управляемой философами, и в этом смысле он воспринимался многими западными мыслителями как идеальное государство, опыт которого должны взять на вооружение европейские правители. «Китайское правительство показывало в течение более четырех тысяч лет и продолжает показывать людям сейчас, что можно управлять ими без того, чтобы их обманывать; что не ложью надо служить богу истины; что суеверие не только бесполезно, но и вредно для религии» [4, с. 365], – писал восхищенный Вольтер, видевший в Китае поучительный для Европы пример «философской монархии». Постоянно подчеркивая древность китайской цивилизации, Вольтер недвусмысленно указывал, где

¹ Интересно, что китайцы относили название «Чина», или «Махачина» («Да-цин»», «Великая Чина»), к Римской империи, также основываясь на неверно понятых словах индийцев.

² Надо сказать, что португальцы не идентифицировали страну, называемую индийцами «Чина» с «Катаем» Марко Поло – государством великого хана со столицей Ханбальком (Пекином), полагая, что последний находится где-то к северо-западу от территорий, достигнутых ими через Малаккский пролив.

именно находится колыбель человечества, и попутно опровергал ненавистные ему библейские легенды, в том числе о всемирном потопе. Почитателями китайской государственности и энтузиастами конфуцианского учения были Бенедикт Спиноза, Пьер Бейль, Никола Мальбранш, Христиан Вольф, Мэтью Тиндаль и др.

Живо интересовался деятельностью «Общества Иисуса» в Китае Лейбниц, переписывавшийся и лично общавшийся с Гримальди, Вержю, Бувэ и др. Через них немецкий философ, в частности, познакомился с трактатом «И-Цзин», неправильно истолковав который, он создал комбинаторику и двоичную логику, став, таким образом, предтечей компьютерной революции. Особые надежды Лейбниц возлагал на Петра I, государя великой державы, которой надлежит стать мостом в Китай для выполнения там торговых и просветительских миссий.

Еще одним важным заимствованием из Китая стала введенная в некоторых германских государствах и во Франции система аттестации чиновников посредством экзаменов. Эта система вызывала восхищение даже у таких завзятых «западников», как Гегель: «Все считаются равными, и в управлении принимают участие только те, у кого есть способность к этому. Таким образом, сановниками назначаются только научно образованнейшие лица. Поэтому на китайское государство часто указывали как на идеал, который должен был бы даже служить образцом для нас» [5, с. 166].

Пользовались европейцы и китайскими изобретениями, заимствованными, впрочем, опосредованно – через арабов, монголов и даже Россию. В то время, когда европейцы утратили всякие связи со странами дальней Азии, активное взаимодействие с ними вели арабы, которым были хорошо известны сухопутные и морские пути в Индию и Китай. Арабы вели с китайцами успешные войны и развивали экономические связи, перенимая важнейшие изобретения, в том числе бумагу, компас, порох и пр. Именно через арабов они попали к европейцам.

Ряд других изобретений добрались до Европы иными путями. Например, технология книгопечатания наборным шрифтом шла через уйгуров из Синьцзяна на Кавказ, а оттуда в Малую Азию и в Александрию.

В период, когда осуществлялась экспансия китайского интеллектуального продукта в халифат и далее в Европу (VIII–XIII века), Поднебесная представляла собой могущественную державу, не только обладающую самой крупной в мире экономикой, но и чрезвычайно развитую в культурном и техническом отношении. Помимо перечисленных технологий, Китай располагал эффективным сельским хозяйством, позволяющим собирать два-три и более урожаев в год, высокоразвитой механикой, высокоэффективной метеорологией. В стране возводились грандиозные ирригационные и гидротехнические сооружения; на тысячу лет раньше, чем в Европе, возникло здесь литейное дело, а промышленное использование угля в плавильном производстве началось раньше на 1300 лет – в III веке. Еще в Ханьскую эпоху (две тысячи лет назад) китайцы познакомились со свойствами нефти. Китайское происхождение имеет и ракетная техника, причем использовалась она не только для фейерверков, но и в качестве оружия (в 1232 году с помощью пороховых ракет оборонялись от монголов жители осажденного Пекина).

На многие столетия опередили европейцев китайские математики (значение числа π они установили еще III–II веках до н.э., а отрицательные числа, которые вошли в европейскую алгебру лишь в Средние века, были известны в Срединной империи уже в начале нашей эры). Поразительны и успехи китайской медицины. Анестезия впервые стала применяться здесь свыше двух тысяч лет назад, а оспопрививание распространилось еще в догомеровские времена (в Европе – в начале XVIII века). Именно китайцы первыми стали проводить операции на сердце и составлять обширные систематизированные фармакопеи¹.

¹ О вкладе Китая в мировую науку и технику подробнее см., напр.: [12; 11 и др.].

Основательно изучивший данную проблему Джозеф Нидэм приводит в своем фундаментальном труде «Наука и цивилизация в Китае» список из нескольких десятков принципиальных изобретений только в области механики, приоритет в которых принадлежит китайцам (табл. 1), при том что изобретений, появившихся на Западе раньше, чем в Китае, он нашел лишь четыре – винт, нагнетательный насос для жидкостей, коленчатый вал и часовой механизм (табл. 2) [22, р. 242–243].

Таблица 1

Передача технологий из Китая на Запад

Технология	Количество веков до появления на Западе
Цепной насос с квадратными лопатками	15
Дробильные валки для измельчения материала	13
– с использованием силы воды	9
Воздуходувные машины в металлургии, использование силы воды	11
Роторный вентилятор и роторная веялка	14
Поршневые кузнечные мехи	ок. 14
Ленточный ткацкий станок	4
Банкоброш для выравнивания нити на бобинах при прядении шелка и использование силы воды в прядильном производстве	313
Тачка	9–10
Парусник	11
Передвижная мельница	12
Эффективная упряжь для тягловых животных:	
– грудной ремень	8
– хомут	6
Арбалет	13
Воздушный змей	ок. 12
Вертолетный винт (вращаемый при помощи шнура)	14
Зоотроп (движимый восходящим потоком горячего воздуха)	ок. 10
Глубокое бурение	11
Чугун	10–12
Карданный подвес	8–9
Арочный мост	7
Цепной подвесной мост	10–13
Шлюзные ворота каналов	7–17
Принципы конструирования морских судов (водонепроницаемые переборки и т.д.)	> 10
Ахтерштевень	ок. 4
Порох	5–6
Применение пороха в военном деле	4
Магнитный компас:	
– намагниченная ложка	11
– с иглой	4
– металлический портативный	2
Бумага	10
Книгопечатание:	
– ксилография	6
– подвижный (наборный) шрифт	4
– металлический подвижный (наборный) шрифт	1
Фарфор	11–13

Таблица 2

Передача технологий с Запада в Китай

Технология	Количество веков до появления в Китае
Винт	14
Нагнетательный насос для жидкостей	18
Коленчатый вал	3
Часовой механизм	3

Исследуя влияние Поднебесной на европейскую культуру, китайский философ Чжу Цяньчжи (朱謙之) пришел в середине XX века к выводу, что оно фундаментально недооценено. По его мнению, именно китайские заимствования оказались главным стимулом к формированию современной западной цивилизации. Так, европейский Ренессанс был порожден «четырьмя великими изобретениями» – бумагой, печатным делом, компасом и порохом; китайская философия лежит в основе германского монархического либерализма и французской революционной идеологии, она сформировала взгляды Вольтера, Гольбаха, Монтескьё, Дидро и даже Гегеля, как известно, призывавшего навсегда вычеркнуть восточную мысль из истории философии.

Теория Чжу Цяньчжи представляется весьма интересным образчиком критики пресловутого европоцентризма, от которого, пожалуй, больше всех досталось монголам. В просвещенной Европе им принято было отказываться в какой-либо цивилизованности, монголов представляли стихийной разрушительной толпой варваров. Такими их рисовал и Гегель. По его словам, обычно они влачат бессмысленное патриархальное существование, однако «часто они собираются большими массами и благодаря какому-нибудь импульсу приходят в движение. Прежде мирно настроенные, они внезапно, как опустошительный поток, нападают на культурные страны, и вызываемый ими переворот не приводит ни к каким иным результатам, кроме разорения и опустошения. ...Они все растаптывали, а затем опять исчезали, как сбегает опустошительный лесной поток, так как в нем нет подлинного жизненного начала» [5, с. 134–135]. Эта трактовка жива в западной историографии до сих пор, хотя даже беглое изучение вопроса показывает, что монгольская цивилизация во многих аспектах превосходила современную ей европейскую.

Захватив в XIII веке Китай, монголы заимствовали у покоренного народа многие блага цивилизации, однако и сами дали ему немало нововведений, одним из которых была ямская система коммуникаций. Именно на эффективности транспортной и почтовой службы во многом основывалось величие стомиллионной империи Хубилая, простиравшейся от берегов Днепра до Желтого моря. Система почтовых станций (ямов), на каждой из которых всегда стояли наготове до нескольких сотен лошадей, позволяла стремительно доставлять важные донесения на значительные расстояния (до 500 км в день). Скоростной обмен сообщениями связал многочисленные территории в единый механизм, легко управляемый из центра через передаточные звенья – бюрократию.

Настаивая на высочайшей эффективности системы управления, внедренной монголами на покоренных территориях, выдающийся русский востоковед академик Василий Бартольд решительно опроверг западнический миф о монголах как о дикой бессистемной орде. «Монголы принесли с собою очень сильную государственную организацию, которая, несмотря на все недостатки, была более стройно выражена, чем прежние государственные системы, – настаивал он. – Везде вы видите после монголов большую политическую устойчивость, чем до монголов. ...Московского царства не могло появиться без монгольского

ига. ...То же самое произошло в Китае, несмотря на его старые традиции. До монголов китайское государство часто распадалось на отдельные части, и даже в момент завоевания монголами было разделено на два государства. Но после монголов, вплоть до новейшего времени, Китай составлял одно целое. Вообще в странах от России до Китая мы видим больше политической устойчивости после монголов, чем до них, на что, конечно, оказала влияние их система управления» [3, с. 719–720].

Не случаен вектор политической деятельности русских князей, направленный в те годы не на Европу, а на Орду как на более эффективное и развитое государство (русские князья и представители духовенства часто совершали путешествия ко двору великих ханов, годами жили в Орде). Какую страну в XIX веке мы назовем развитой – у которой есть железные дороги или у которой их нет? Какую страну мы назовем развитой в XX веке – у которой есть Интернет или у которой его нет? Ответ очевиден. То же и с монгольской империей XIII–XIV веков, обладавшей эффективнейшей на тот момент технологией связи, которая со временем стала достоянием возрождающейся России. «Продолжительное владычество татар – это величайшей важности событие, – утверждал Петр Чаадаев. – Оно принесло нам больше пользы, чем вреда. Вместо того, чтобы разрушить народность, оно только помогло ей развиться и созреть» [20, с. 161].

По мнению Бартольда, дольше всего монгольские традиции отражались на русской внешней политике и на посольском церемониале. После исчезновения или ослабления Орды на русского царя отчасти была перенесена монгольская государственная идея; его стали называть «великим беком, белым ханом» [2, с. 364]. В XV веке Россия начала движение на Восток, стремясь подчинить себе области распавшейся монгольской империи. В 1483 году состоялся первый русский поход на Сибирь. А несколько ранее (1466–1472) состоялось первое русское путешествие в Индию – знаменитое «хождение за три моря» Афанасия Никитина, не принесшее коммерческого успеха (индийские товары оказались неподходящими для России), однако расширившее знания русских о таинственном Востоке. Следующее путешествие в Индию состоялось уже при Петре I, однако миссия Семена Маленького (1696) тоже не привела к открытию торговли.

Успешнее были действия в Сибири и на границе с Китаем, которые велись казаками. Первым русским послом к пекинскому двору стал Иван Петлин (1618), привезший в Тобольск китайскую грамоту, прочесть которую, однако, там никто не мог.

Активные попытки установить дипломатические и, как следствие, торговые отношения с Пекином начались после походов Ерофея Хабарова, Афанасия Пашкова и других, приведшие к освоению Приамурья и расширению влияния на Маньчжурию. Эпопея мирного завоевания Сибири, когда многие из языческих народов охотно принимали православие и русское подданство, не имела прецедента во всемирной истории. Ясак в виде пушнины, который они выплачивали в казну, был необременительным. Казаки и стрельцы обучали аборигенов земледелию, учили строить теплое жилье, снабжали железными орудиями труда и оружием для охоты. В Сибири и на Дальнем Востоке возникли первые русские остроги – крепости с гарнизонами, защищавшие как русское, так и аборигенное население от набегов чужаков. В результате экспедиций Дежнева, Хабарова, Атласова, Пояркова и других первопроходцев к российскому государству была присоединена огромная территория, охватывающая весь северовосток Евразии.

Вместе с тем официальные посольства, отправленные в Пекин во второй половине XVII века, трудно назвать успешными, что было связано со специфической китайской придворной этикетой. Чиновники из «Ведомства церемоний» за-

ставляли прибывающих из разных стран, в том числе и из России, посланцев зарубежных «вассалов» тщательно репетировать, а затем неоднократно – перед грамотой императора, при въезде в пределы империи, перед передними (южными) воротами дворца, перед пустым тронном и, наконец, во время аудиенции императора – исполнять обряд коленопреклонения. В случае невыполнения ритуала провинившихся дипломатов высылали из страны. Так было, например, с боярским сыном Федором Байковым, прибывшим в Пекин в 1665 году и отказавшимся исполнить обряд *коуту*, дабы «царской чести не порушить» – вместе с посольством он был вынужден уехать, не повидав императора, и увезти обратно свои подарки [7, с. 128–131].

Не намного более удачной оказалась и миссия Николая Спафария (1676), также уехавшего ни с чем, однако привезшего в собой познавательнейший и выдающийся в литературном отношении «статейный список» о своем путешествии, содержащий массу сведений о еще неведомом и таинственном Китае [17].

С воцарением Петра I внешняя политика государства концентрируется на западном направлении. Именно с этим связано заключение в 1689 году Нерчинского договора, по которому к Китаю отходил ряд российских территориальных приобретений, в том числе Приамурье, а основанная Хабаровым героическая крепость Албазин подлежала уничтожению. Нередко Нерчинский договор трактуют как политический провал России, объясняют его военной слабостью нашей страны на Дальнем Востоке. Однако русские имели в то время подавляющее военное превосходство над Цинской империей (казачьи отряды добивались побед даже при двадцатикратном численном перевесе маньчжуров). Территориальные же уступки объясняются сугубо прагматическими мотивами: взамен утраченного Приамурья Россия получала право на регулярную (и сверхприбыльную) торговлю с Китаем, обладавшим огромным рынком.

Первый казенный караван был отправлен из России в 1693 году. В 1715 году в Пекине была открыта Духовная миссия – посольство России в Китае. В 1727 году был подписан Кяхтинский договор, по которому на русско-китайской границе создавался торговый центр поистине грандиозного масштаба. Оборот торговли через Кяхту достигал 16 млн руб., что превышало 10% всего внешнеторгового оборота России.

В конце XVII – начале XVIII века Россия «открыла» Японию. К тому же времени относятся первые соприкосновения России и Японии на Курильских островах и Хоккайдо. Экспедиции И. Козыревского (1711), И. Евреинова и Ф. Лужина (1719), М. Шпанберга (1738–1739) способствовали планомерному освоению этих территорий. К 1779 году значительная часть коренного населения Курил и Хоккайдо приняла российское подданство и указом Екатерины II была освобождена от всех податей. В «Пространном землеописании Российского государства» 1787 года в список принадлежащих России территорий были включены Курильские острова вплоть до острова Хоккайдо, статус которого не был определен, так как Япония имела город в южной его части. Японцы проникли на эти земли лишь в конце XVIII – начале XIX века, практически уничтожив коренной народ. «Начавшаяся в 1880-е гг. активная колонизация японцами привела не только к почти полной утрате их языка и культуры, но и значительному сокращению численности самого народа. В настоящее время айнов осталось не более 15–20 тысяч» [14, с. 14].

В XVIII–XIX веках из всех стран Старого Света наиболее тесные сношения с Китаем имела Россия. Торговля Европы с Китаем была, по сути, односторонним процессом: вывозя из Поднебесной предметы роскоши (шелк, чай, фарфор, лаки, гобелены и прочие элементы модного в те времена стиля *шинуазри* / *chinoiserie*), европейские страны ничего не могли предложить взамен самодостаточной экономике Китая, что обусловило колоссальный по масштабам отток

серебра. Вплоть до середины XIX века внешнеторговое сальдо было абсолютно в пользу Китая, пока англичане не нашли, наконец, товар для коммерческой экспансии на китайский рынок, посадив страну на опиум (в конце XIX века наркотики составляли 30% китайского импорта).

Одновременно с развитием отношений с Россией в XVIII – середине XIX века неуклонно сворачивались связи между Китаем и Западом. «С концом XVIII в. кончается и “флирт Европы с Китаем”, – свидетельствует видный российский китаевед Ольга Фишман. – Облик Китая потерял свое экзотическое очарование. Философы больше не оправдывали свой деизм обращением к Конфуцию; политические теоретики и экономисты перестали пропагандировать китайскую систему правления; даже китайское искусство уже не влекло к себе: взор, заново настроенный на классицистическую строгость, не мог теперь наслаждаться прихотливой и хрупкой прелестью китайских изделий. .. Возрождение греко-римской древности в интеллектуальной жизни Европы, развитие естественных наук и техники, колониальная экспансия, основывавшаяся на превосходстве технологии и военного искусства, – все это сыграло свою роль в европоцентризме, возникшем в это время» [19, с. 521–523].

И процесс этот был обоюдный. В 1757 году цинские власти закрыли четыре из пяти портов, ранее открытых для европейской торговли. В 1773 году была запрещена деятельность иезуитов. Эти события традиционно трактуются в западной историографии как «политика самоизоляции» Китая, однако никакой самоизоляции, конечно, не было, поскольку, сокращая взаимодействие с Западом, Китай активно развивал связи с Россией.

Апогей этой активности приходится на вторую половину XIX – начало XX века. В 1858 году был подписан Айгуньский договор, вернувший России часть Приамурья, в 1860 году – Пекинский договор, по которому России передавался Уссурийский край и ряд льгот на территории Китая. В 1896 году был заключен Московский договор о союзе России и Китая против Японии, в том числе предоставивший России право на постройку железнодорожной магистрали через Маньчжурию (КВЖД), ставшую мощным фактором утверждения нашей страны как тихоокеанской державы. В 1898 году была подписана конвенция об аренде Россией портов Порт-Артур и Дальний, по сути, превращавшихся в российские военно-морские базы. В том же году был заложен Харбин – ярчайший символ российско-китайского сотрудничества. Размах строительства этого города был таким, что его сравнивали со стремительно растущими американскими городами. Всего за несколько лет он превратился в настоящий мегаполис, расположенный на перекрестке водных, сухопутных, железных и торговых дорог и, подобно Дикому Западу, привлекавший пассионариев со всей Российской империи.

Даже в условиях военных соприкосновений с Россией (как было, например, во время Боксерского восстания 1900 года, когда русские войска вошли в захваченный мятежниками Пекин), местное население относилось к нашей стране весьма благодушно: в северном соседе жители Поднебесной видели воплощение конфуцианского принципа справедливости, в отличие от Запада, строящего свою политику по отношению к Китаю на хищничестве и неуважении к традициям.

И это неудивительно, ведь в течение всей второй половины XIX века Запад усиленно превращал Китай из великой еще недавно державы¹ в практически бес-субъектное пространство, колонию империалистических держав, разделивших ее на сферы влияния. Отвечая на вызов эпохи, правящая элита инициировала так

¹ К началу XVIII века у Китая была самая крупная экономика в мире, страна с населением 200 млн человек занимала ведущие позиции в мире и по уровню жизни, и по военной мощи.

называемую политику самоусиления, лозунгом которой стал тезис «китайская мудрость для фундаментальных принципов, западная мудрость для практического использования» (*диюнь, 体用*), выдвинутый видным сановником-реформатором того времени Чжан Чжидунем. Кроме прочего, это означало заимствование (в духе древних легистов) Китаем у Европы того, что наиболее наглядно определяло преимущество европейцев, а именно – материальную составляющую западной культуры, прежде всего вооружение и технику двойного и гражданского назначения.

Кроме того, в среде китайской интеллигенции стал проявляться интерес к различным европейским учениям. Ряд китайских ученых и либеральных политиков (Вэй Юань, Ху Ши, Янь Фу, Лян Цичао, Кан Ювэй и др.) выступили с проектами заимствования Китаем западной демократии и движению по западному пути, превосходя в своем самобичевании даже самых отпетых российских либералов сегодняшнего дня. «Беда Китая не в том, что он утрачивает свою национальную сущность, а в том, что ее пытаются сохранить, – утверждал, например, философ Ху Ши. – Китай уступает странам Запада не только в материальном и теоретическом отношении, но и стоит ниже других стран в сфере морали, науки, литературы, искусства, музыки. Даже в физическом здоровье мы уступаем людям Запада» [цит. по: 1, с. 132].

С либеральными реформаторами нещадно полемизировали социал-демократы во главе с Сунь Ятсеном, доказывавшие, что Китай должен идти по особому пути развития, отличному от западного, который, по их мнению, является единственным источником имущественного неравенства и социальных конфликтов. В качестве идеала будущего они рассматривали социализм, для построения которого, однако, в Китае пока не существует объективных условий. Таким образом, путь к социализму должен вести через формирование капиталистических отношений. «Моя идея, – писал Сунь Ятсен, – состоит в желании использовать иностранный капитал для создания социализма в Китае так, чтобы, гармонично сочетая эти две экономические формы, двигая человечество вперед, заставить их действовать вместе и тем самым ускорить развитие будущей мировой цивилизации» [18, с. 189].

Одновременно развивалось и радикальное революционное движение, представители которого не верили в теорию «мирного перерождения» Китая и рассматривали в качестве способа социальной трансформации политическую революцию. Подобно реформаторам, они обращались в поиске путей политического переустройства своей страны к западным учениям, в том числе к теориям немарксистского социализма, анархизму и марксизму. Впервые небольшой отрывок из Маркса был опубликован на китайском языке в 1903 году. Однако настоящим толчком к распространению марксизма в Китае стала Октябрьская революция. «Китайцы обрели марксизм благодаря русским, – писал впоследствии Мао Цзэдун. – Орудийные залпы Октябрьской революции донесли до нас марксизм-ленинизм... Идти по пути русских – таков был вывод» [13, с. 292–293].

Из всего богатого спектра марксистских течений интерес китайской интеллигенции привлекло лишь одно – послефевральский ленинизм, ядром которого являлась концепция перманентной революции. Этому в значительной степени способствовала прямая теоретическая и практическая помощь китайским революционерам со стороны партии Ленина и Коминтерна, а также Советского государства в первые годы после Октябрьской революции. Таким образом, марксизм начал восприниматься в Китае сквозь призму большевистского опыта, оказавшись своего рода «двойной производной» от «классического» марксизма.

Позднее марксизм в его китайском варианте трансформировался в маоизм: через рецепцию сталинской теории социалистической государственности Мао Цзэдун осуществил преодоление господствовавших в раннем китайском марксизме троцкизма и послефевральского ленинизма. Именно в этом виде

китайский марксизм уже в 1960-х годах был воспринят западными «левыми» интеллектуалами, в том числе Жаном-Полем Сартром, Мишелем Фуко, Юлией Кристевой. Искренне считая председателя Мао преемником революционной философии Маркса, напроць догматизированного «обуржуазившимися Советами», они сознательно забывали о подлинных источниках маоизма¹.

Таким образом, как можно заметить, советский марксизм оказал решающее влияние на господствующую и ныне в Китае идеологию маоизма. Прочие западные идеологии в Поднебесной оказались неспособны сцементировать китайское общество и не прижились, несмотря на то, что Китай традиционно считал себя «морем, вбирающим в себя все реки».

Отношения СССР и Китая в XX веке были крайне неровными – от абсолютно союзнических при Сталине («русский с китайцем – братья навек») до совершенно враждебных – после событий на Даманском и Жаланашколе. Однако все это время взаимопроникновение культур было, пожалуй, беспрецедентным. В 1950-х годах в Советском Союзе были изданы чуть ли не все китайские классики, а в Китае, соответственно, русские. Даже в условиях охлаждения отношений с Китаем публиковались современные переводы древних китайских философов [8], которые вызвали широкую волну увлечения Древним Китаем. Многие песни популярнейшего Бориса Гребенщикова пестрят цитатами из указанного сборника. Огромное влияние восточной культуры испытали Григорий Чхартишвили, Виктор Пелевин и другие писатели и мыслители, имеющие сегодня решающее влияние на российскую культуру.

Китайская, японская, индийская темы были модны и востребованы в XX веке не только в России, но и на Западе. В частности, это касается буддизма, даосизма, ряда индуистских сект, йоги, аюрведы, а также традиций китайского чаепития, икебаны, оригами и боевых искусств. Сотни тысяч россиян, увлекающихся карате, дзюдо, айкидо и т.п., вместе с приемами борьбы воспринимают восточную философию отношения к жизни, кодекс чести, этику взаимоотношений с ближними.

Но, возможно, гораздо важнее для современной России изучение не модных обычаев чаепития и школы Брюса Ли, а опыта Дэн Сяопина.

Важно иметь в виду, что Китай, вроде бы как открытый в последние годы к западной культуре, сохранил не только свою традиционную идентичность, но и идеологию, доставшуюся по наследству от Советской России. Учение Мао Цзэдуна не было отброшено, подобно учению Маркса – Ленина в России, в эпоху широких политических и экономических реформ Дэн Сяопина, оставшись фактором, в значительной степени определяющим как внутреннюю, так и внешнюю политику этой могущественной державы, и сам образ поведения китайской цивилизации на мировой арене.

К началу дэнсяопиновской модернизации КНР представляла собой страну, совершенно подорванную «Великим скачком» и «культурной революцией». В Китае недоедало 80% населения, лишь треть взрослых умела писать и читать. Одна и та же одежда носилась от поколения к поколению, а символом благополучия служили велосипед и наручные часы. Страна страдала от чудовищных неурожаев, во время которых вымирал сотни тысяч человек и даже отмечались случаи каннибализма.

В результате проведенных под руководством Дэн Сяопина блестящих экономических реформ уже через десять лет народ перестал голодать и бедствовать. Темпы роста ВВП в КНР в 1979–2002 годах составили более 9% в год, в два раза выше, чем за предыдущие тридцать лет [15, с. 11].

Однако уже к середине-концу 1980-х годов на фоне первых успехов китайской экономики Америка активизировала идеологический прессинг про-

¹ Характерно, что количество цитат из Маркса и Энгельса в произведениях Мао абсолютно мало по сравнению с выдержками из традиционной китайской литературы и работ Сталина – всего только 4% общего количества цитат.

тив КНР, понимая, что своего возрождения Китай добился на пути социалистического развития. Как и в случае с СССР, Вашингтон сделал ставку на то, чтобы сокрушить китайскую крепость изнутри. В том числе за счет мушкетирования вопроса о нарушениях прав человека в КНР, поощрения сепаратизма в Синьцзяне и Тибете, навязывания концепции «мирной эволюции», создания и финансирования некоммерческих организаций, активного вещания на КНР западных радиостанций и пропаганды американских духовных и материальных ценностей.

Как и в СССР, политическая перестройка в Китае шла на фоне мощного движения против существующего режима. Претензий к нему у китайцев было немало. Страна была буквально истерзана экономическими экспериментами Мао, в ней лишь недавно закончилась «культурная революция», являвшаяся, по сути, новой гражданской войной. Элиты КНР были истощены репрессиями¹. Китай не имел веса на международной арене, круг его союзников исчерпывался Албанией и Пакистаном. В середине 1980-х годов опросы свидетельствовали, что более половины молодых пекинцев утратили доверие к правительству.

Насколько опасен оказался для Китая таран либерализации, подкрепленный «стихийным либерализмом», можно судить по событиям в Пекине в мае-июне 1989 года, когда партии удалось «удержать ружье в своих руках» лишь за счет жестокого подавления мятежа на площади Тяньаньмэнь. Тяньаньмэньские события Дэн Сяопин охарактеризовал так: «Капитализм намеревается, в конечном счете, одержать победу над социализмом. В прошлом он пытался осуществить это с помощью оружия, атомной и водородной бомбы, что вызвало отпор со стороны народов мира. Теперь он прибег к мирной эволюции» [9, с. 409]. Идеи «мирной эволюции» от социализма к капитализму споткнулись о «четыре основных принципа», сформулированных Дэн Сяопином в 1982 году. Этих принципов (придерживаться социалистического пути, диктатуры пролетариата, руководящей роли партии, а также марксизма-ленинизма и идей Мао) руководство КНР придерживается и по сию пору.

Сохранив основы своего строя, КНР, по сути, спасла себя от неминуемого распада. Этой участи в похожих условиях другому великому государству – Советскому Союзу – избежать не удалось. Пытаясь дестабилизировать КНР по схеме, успешно применявшейся в СССР, американская разведка пошла в конце 1980-х годов по неэффективному пути. Ставка на «раскачивание» ситуации через создание демократических организаций и на формирование агентуры влияния в высших государственных и партийных органах КНР привела к большим финансовым затратам и закончилась провалом.

Очевидно, идеологический фактор оказался на рубеже 1980–1990-х годов решающим для сохранения политического status quo в КНР. Сохранение социалистического строя, пусть даже насильственными методами, обеспечило и сохранение территориальной целостности и, безусловно, способствовало экономическому подъему страны.

Итак, мы можем предложить для обсуждения несколько важнейших, на наш взгляд тезисов.

1. Миф об отсталости Востока и односторонности цивилизаторских процессов породили слабая информированность о восточных цивилизациях и культурно-политическая предвзятость.

2. Древнейшее проникновение на Восток индоевропейской культуры фиксируется на основании археологических, этнолингвистических исследований,

¹ Чего стоит лишь тот факт, что в высшем руководстве КПК не было ни одного человека, который не был бы репрессирован в те годы (всего же, по сведениям, опубликованным «Жэньминь жибао», за десять лет «культурной революции» в Китае пострадало около ста (!) миллионов человек).

а также методов ДНК-генеалогии в районе II тыс. до н.э. Индийские Веды структурно и содержательно сходны с другими индоевропейскими источниками, от Авесты до греческих теогоний и «Голубиной книги». Общение между Западом и Востоком, взаимообогащение культур и взаимовлияние на идентичность народов было куда более древним, чем свидетельствует историческая память.

3. В обозримом историческом прошлом влияние китайской культуры на европейскую началось задолго до начала постоянных контактов Китая и Запада – через арабов, Кавказ и Русь. Китайские изобретения послужили материальной базой европейского Ренессанса, а китайская философия легла в основу политических преобразований в Европе и революционных открытий в науке.

4. В XVIII–XIX веках из всех стран Старого Света наиболее тесные сношения с Китаем имела Россия. Тезис о том, что, гранича с дальневосточными странами «на самых дальних наших рубежах», мы и взаимоотношения выстраивали с ними, так сказать, по остаточному принципу, не выдерживает критики.

5. «Политика самоизоляции» Китая – миф, придуманный европейцами для оправдания своей нерациональной политики по отношению к Поднебесной.

6. Государственная идеология современного Китая имеет российское происхождение, представляя собой модифицированный российский марксизм.

7. Союз «Россия – Восток» в разных формах, от ШОС до Евразийского союза – не конъюнктурное образование, оно имеет под собой серьезную культурно-историческую основу, а значит, и большое будущее.

Литература

1. *Асланов Р.М.* Китайская модель социализма: экономическая эффективность или социальная справедливость? // Коммунистическая партия Китая: История и современные проблемы: К 80-летию Коммунистической партии Китая. М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2001.
2. *Бартольд В.В.* История изучения Востока в Европе и России // *Бартольд В.В.* Сочинения. М.: Наука: Главная редакция восточной литературы, 1977. Т. IX.
3. *Бартольд В.В.* Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира // *Бартольд В.В.* Сочинения. М.: Издательство восточной литературы, 1963. Т. II. Ч. 1.
4. *Вольтер.* Несведущий философ // *Вольтер.* Философские сочинения. М.: Наука, 1988.
5. *Гегель Г.В.Ф.* Лекции по философии истории. СПб.: Наука. 1993.
6. *Гюго В.* Человек, который смеется // *Гюго В.* Собр. соч.: в 15 т. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1955. Т. 10.
7. *Демидова Н.Ф., Мясников В.С.* Первые русские дипломаты в Китае («Роспись» И. Петелина и статейный список Ф.И. Байкова). М.: Наука, 1966.
8. Древнекитайская философия: Собрание текстов: в 2 т. М.: Мысль, 1972. Т. 1; 1973. Т. 2.
9. *Дэн Сяопин.* Избранные произведения (1982–1992). Пекин, 1994. Т. 3.
10. *Клёсов А.А., Тюняев А.А.* Происхождение человека (по данным археологии, антропологии и ДНК-генеалогии). М.: Белые альвы, 2010.
11. *Крюгер Р.* Китай. История страны. М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2008.
12. *Мао Цзо бэнь.* Это изобретено в Китае. М.: Молодая гвардия, 1959.
13. *Мао Цзэдун.* О демократической диктатуре народа: К 28-й годовщине основания Коммунистической партии Китая // *Мао Цзэдун.* Революция и строительство в Китае: Статьи и выступления. М.: Общество дружбы и сотрудничества с зарубежными странами, 2002.
14. Омская сенсация: Серия акварелей Бёзана Хирасавы «Жизнь и обычаи айнов». М.: Издательская программа «Интерроса», 2008.
15. Перспективы Китая: Научный доклад ИПМИ № 1. М.: Институт прикладных международных исследований, 2003.
16. *Сверчков Л.М.* Тохары: Древние индоевропейцы в Центральной Азии. Ташкент: SMIASIA, 2012.
17. *Спафарий Н.М.* Сибирь и Китай. Кишинев, 1960.
18. *Сунь Ятсен.* Программа строительства страны // *Сунь Ятсен.* Избранные произведения. М.: Наука, 1964.

19. *Фишман О.Л.* Китай в Европе: миф и реальность (XIII–XVIII вв.). СПб.: Петербургское востоковедение, 2003.
20. *Чаадаев П.Я.* Письмо А.И. Тургеневу (август – ноябрь 1843 г.) // Чаадаев П.Я. Полн. собр. соч. и избр. письма: в 2 т. М.: Наука, 1991. Т. 2.
21. *Чаадаев П.Я.* Философические письма: Письмо шестое // Чаадаев П.Я. Полн. собр. соч. и избр. письма: в 2 т. М.: Наука, 1991. Т. 2.
22. *Needham J.* Science and Civilization in China. Cambridge Univ. Press, 1954. Vol. 1.
23. *Sharma S., Rai E., Sharma P., Jena M., Singh S., Darvishi K., Bhat A.K., Bhanwer A.J.S., Tiwari P.K., Bamezai R.N.K.* The Indian Origin of Paternal Haplogroup R1a1* Substantiates the Autochthonous Origin of Brahmins and the Caste System // Human Genetics. Vol. 54 (2009). P. 47–55.

Аннотация. В статье констатируется, что общение между Западом и Востоком, взаимообогащение культур и взаимовлияние идентичностей народов было куда более древним, чем свидетельствует историческая память. При этом влияние китайской культуры на европейскую началось задолго до начала постоянных контактов Китая и Запада. Китайские изобретения послужили материальной базой европейского Ренессанса, а китайская философия легла в основу политических преобразований в Европе и революционных открытий в науке. В XVIII–XIX веках из всех стран Старого Света наиболее тесные сношения с Китаем имела Россия. Политика же самоизоляции Китая – миф, придуманный европейцами для оправдания своей нерациональной политики по отношению к этой стране. При этом государственная идеология современного Китая имеет российское происхождение, представляя собой модифицированный российский марксизм.

Ключевые слова: индоевропейцы, взаимовлияние культур, российско-китайские отношения, история Китая, история России, китайские реформы.

Oleg Matveychev, Ph.D. in Philosophy; Professor, Department of Practical Philosophy, Faculty of Philosophy, Higher School of Economics (National Research University).
E-mail: matveyol@yandex.ru

Russia and China: How Bridges have Been Built

Abstract. The article assumes that the dialogue between the East and the West, the mutual enrichment of cultures and the mutual impact on the identity of the peoples goes back further in history, than historical evidence shows. The influence of the Chinese culture on the European one was visible long before the establishment of relations between China and the West. Chinese inventions formed the material basis of the European Renaissance and the Chinese philosophy laid the foundation for political change in Europe and the revolutionary scientific discoveries. In the 18th-19th centuries Russia had the closest ties with China of all the countries of the Old World. China's self-isolation policy is a European myth to justify its irrational policy towards this country. The state ideology of modern China is of Russian origin, as it is modified Russian Marxism.

Keywords: Indo-Europeans, Mutual Culture, Russian-Chinese Relations, Chinese History, Russian History, Chinese Reforms.

Л.В. Поляков. Спасибо, Олег Анатольевич, за несколько парадоксальных тезисов. Думаю, покойный Владимир Сергеевич Соловьев радуется сейчас, слыша ваши слова о том, что есть единое человечество и что оно было всегда. Это один из ключевых тезисов, характерных для русской философской мысли, которую вы сейчас воспроизвели с помощью ДНК-генеалогии и прочих новейших инструментов. Но, в общем, если дей-

ствительно картина такова, то значит наши усилия во многом втуне. Ведь мы пытаемся как бы заново создавать нечто, убеждать друга друга в том, что не Запад есть Запад, а Восток есть Восток, а наоборот, что, может быть, Восток есть Запад, а оказывается, так давно все и было. Давайте попробуем послушать теперь другую сторону, что называется *altera pars*, в лице Егора Станиславовича Холмогорова.